4 Сосин О.
5 А что на дне колодца
6 Ленинград — Акцент
театр комедии
7 режиссер — Бельский А
худ. рук постановки — Аксенов Ю.

„А что на дне колодца..."
О. Сосин

31/VII-87
Ленинград
Т-р комедии

31 июля 1987 года ● ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД № 175 (18265)

ПРЕМЬЕРА

Веч. Ленинград — 1987 — 31 июля

Нет, ты не Зилов

Дипломник Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии имени Н. К. Черкасова, выпускник класса Г. А. Товстоногова молодой режиссер А. Ю. Бельский поставил в Академическом театре комедии пьесу О. Сосина «А что на дне колодца...» под художественным руководством главного режиссера Ю. Е. Аксенова. Из выпускников этого года он оказался в положении наиболее завидном: остался в Ленинграде ставить дипломный спектакль, в котором дебютировали на сцене Театра комедии Э. Зиганшина и В. Рожин. О премьере стоит поговорить, хотя пьеса выбрана явно неудачно. Она претендует на глубокомысленные и раскрытие сегодняшних проблем, а на самом деле повторяет давно известные истины и темы, уходя в мелкости и банальности, в плоское остроумие дурного вкуса. Об уровне острот судите хотя бы по этой: «Нынче умение купить нужную вещь и продать ненужную поважнее сопромата».

Жанр пьесы определен как трагикомедия, жанр спектакля сценен всего комедия сатирическая. Данные изображения современных нравов пойти не удалось, а жаль... В истории театра известны случаи, когда средняя драматургия позволяла развернуться талантам, поднять на нейтральном материале острые, наболевшие проблемы.

Однозначно оценивая поступки персонажей, режиссер лишает зрителей права самим выбрать героя, найти свою позицию — «за» или «против», а себя — возможности дать объем характерам и ситуациям. Уже с открытием занавеса расстановка сил в спектакле становится ясна. На скамейке, весьма напоминающей «скамейку» А. Гельмана, сидят женщины (только у О. Сосина на ней не одна, а четверо), желающие «подцепить» на курорте мужчину. Вот и мужчина—фотограф Фиников (В. Рожин), мечтающий перебраться в Москву. А вот и юная, впоследствии влюбленная, почти что «голубая» героиня. В одной из первых мизансцен она оказалась между «скамеечницами» и фотографом — и все стало понятно.

Сцены решаются одноплановo. Эпизод «покупки мужчины» превращается в откровенную торговлю. Опираясь в крике, как жан предлагает свою цену за фиктивный брак и прописку, необходимые Финикову. Сцена заканчивается сентенцией героя: «За красоту — платят!» и эффектным стоп-кадром — фото на память. После этой сцены зрителю следить не за чем. «Заботливая» рука режиссера указует, кто есть кто. Продастся или не продастся Фиников в очередной раз? Ясно, что продастся: кого раз купили, приобрести вновь по сходной цене ничего не стоит. Удастся ли ему соединиться с Ветой — девочкой, чья благодарность невзначай оборачивается любовью? Ясно, что не удастся: слишком простно вцепились в него «скамеечницы».

Встают в пьесе и другие проблемы. Ведь не деньги нужны изначально этим женщинам, а сам мужчина — его надежное плечо, его совет и ласковое слово. Именно за это готовы заплатить они любой ценой. Именно это и играет Э. Зиганшина. В памяти после спектакля остается Липа, ее беспомощное изболевшееся полувосклицание-полувопрос, почти стон забытого, уже даже не принимаемого в расчет человека «А я?!.. Вы хоть что-то имеете, а я...». Да обратите внимание на нее, лишь взгляните и на глазах превратится измученная нахлебницей замухрышка в уверенную женщину. Как неуклюжно радостен ее рассказ об иллюзорном благополучии в семье. С какой неистовостью бросается на защиту своего героя, своей мечты, уже ставшей сродни реальности, еще чуть-чуть и превратившейся бы силою ее веры в действительность.

А герой ее — кто он? Да из-за чего он так необходим? Автор одаривает Финикова явной претензией на интеллигентность, по крайней мере, набор современного интеллектуала из имен Фета, Аполлинера и чеховских «Трех сестер» с их призывом «В Москву, в Москву!..» ему знаком. Он с одинаковой легкостью облагодетельствует девочку деньгами на билет до Москвы и платит ими за прописку в столице. Немного циник, немного практик, в меру остроумен, слегка страдалец, имеющий «настоящую» любовь на стороне, но и дома существующий комфортно и покойно. Супермен с явными поползновениями прослыть Зиловым наших дней, но без трагизма мироощущения. Вновь звучит знакомая тема: «Мне 37, а я ничего не совершил». От «Дяди Вани» А. П. Чехова через «Серсо» В. Славкина перекочевала она в пьесу О. Сосина. Однако оттенок здесь явно комический: за Финиковым — лишним, ненужным, непригодным сегодня идет охота. Ох, как необходим этот «не нужный никому» четвертым женщинам с пляжной скамейки.

Режиссер намеренно оправил их — «скамеечницы». При внешней характерности каждой они усреднены до [illegible] щин вообще» — о[illegible] ких; бо[illegible] с неустр[illegible] ной жизнью. Хотя [illegible] четыре варианта [illegible] жет случиться с [illegible] кой лет этак через [illegible] надцать. Она може[illegible] рукам», меняя па[illegible] удерживая никого [illegible] дели подле себя. Может стать дело[illegible] ной, уйти в ко[illegible] борьбу за место п[illegible] и в стенах подиог[illegible] ния, как Валерия. [illegible] рубеть, махнуть на [illegible] и весело пробалагу[illegible] жизнь, как Соня [illegible] прострадать ее сер[illegible] не вылежав перво[illegible] пования и боясь н[illegible] Липа.

К сожалению, соц[illegible] хологический анализ [illegible] ров не заинтересова[illegible] ра, он предпочел [illegible] него драматизма, [illegible] приемов, лобовой [illegible] ности, прямого раз[illegible] ров на положительн[illegible] та) и отрицательны[illegible] ные персонажи). Хо[illegible] нравственной безуп[illegible] ты еще можно поспо[illegible]

Режиссер, молод[illegible] спектакли у него [illegible] этому хочется пос[illegible] ему на будущее: ост[illegible] дне колодца» — спе[illegible] что-нибудь и для зр[illegible] лишайте его возмож[illegible] творчества. Не разж[illegible] все с самого начала [illegible] те поразмышлять. [illegible] ся во всем без чужой [illegible] ки.

Ек. ЕФРЕ[illegible]